

Получаетъ разъ Левъ Николаевичъ письмо:

«Графъ! Въ засѣданіи психологическаго общества въ Москвѣ вы въ своей рѣчи выразились, что надо любить всѣхъ людей. Позвольте васъ перебить! Неужели и жида надо любить?.. Я не могу повѣрить, чтобы вы, графъ, нашъ извѣстный писатель, могли согласиться съ такимъ выводомъ. А между тѣмъ изъ вашей рѣчи неизбѣжно слѣдуетъ это положеніе. Очень радъ бы услышать отъ васъ опроверженіе. Если пожелаете отвѣтить, то отвѣчайте черезъ «Новое Время»—я подпишусь этой газеты».

Помню, долго мы съ Л. Н. смѣялись надъ этимъ «произведеніемъ» и рѣшили, что лучше всего, вмѣсто отвѣта, опубликовать это самое письмо.

Я вложилъ письмо въ конвертъ, написалъ въ редакцію препроводительную записку о желаніи Л. Н. опубликовать письмо и отправилъ на почту въ Ясенки.

Поздно вечеромъ, вижу, Л. Н. пришелъ усталый и, вынувъ изъ кармана какой то конвертъ, положилъ его на столъ.

— Ходилъ на почту,—говорить онъ,—и взялъ назадъ письмо. Богъ съ нимъ! Онъ человѣкъ темный, совсѣмъ еще не родился къ жизни.

Льву Николаевичу пришлось сдѣлать 12 верстъ туда и назадъ въ осеннюю, мглистую пору.

Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву, а я остался въ Ясной. (Это было въ 1886 г.).

Въ февралѣ мѣсяцѣ, слышу, затренькали у подъѣзда бубенцы, и изъ наемной тульской пролетки выль-заютъ два «чистыхъ господина».